

УДК 316.775

DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-396-409

РОЛЬ СТЕЙКХОЛДЕРОВ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ПУБЛИЧНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В ГАРМОНИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЙ И ПРЕДОТВРАЩЕНИИ КОНФЛИКТОВ В ПРИГРАНИЧНОМ РЕГИОНЕ**THE STAKEHOLDERS ROLE OF ETHNO-CONFESSIONAL SPACE OF PUBLIC COMMUNICATIONS IN HARMONIZING RELATIONS AND AVERTING OF CONFLICTS IN THE FRONTIER REGION****В.В. Зотов, А.И. Алексеенко, А.В. Губанов
V.V. Zotov, A.I. Alekseenko, A.V. Gubanov**Курская академия государственной и муниципальной службы,
Россия, 305044, г. Курск, ул. Станционная, 9Kursk Academy of State and Municipal Service,
9 Stantsionnaya St, Kursk, 305044, Russian

E-mail: om_zotova@mail.ru; alex-2-alex@yandex.ru, aleksandrgubanov1@mail.ru

Аннотация

Минимизация деструктивности интенсификация этнической и культурной фрагментации регионального сообщества предполагает разработку диалого-партнёрской модели публичной коммуникации между представителями заинтересованных сторон этноконфессионального пространства публичных коммуникаций. Для теоретического осмысления феномена данного пространства используются эвристические возможности концепции менеджмента публичных ценностей и таких её основных понятий, как публичные ценности, пространство публичных коммуникаций, заинтересованные стороны и публичная сфера. Роль стейкхолдеров этноконфессионального пространства публичных коммуникаций в гармонизации отношений и порождении конфликтов в приграничном регионе раскрывается на основе данных, полученных с применением метода экспертного опроса в форме анкетирования и интернет-опроса социальной сети «ВКонтакте». Авторы пришли к выводу, что общественное мнение связывает порождение этноконфессиональных конфликтов с деятельностью таких представителей заинтересованных сторон, как некоммерческие организации, созданные по национальному признаку, национальные диаспоры и религиозные организации, а разрешение проблем межэтнических и межнациональных отношений населению и экспертам видится не в пространстве публичных коммуникаций, а в правоохранительной сфере. В этих условиях крайне важна организация диалога и партнерства между всеми акторами этноконфессионального пространства публичной коммуникации. При понимании важности взаимодействия между структурами гражданского общества и государством, большинством из участников экспертного опроса указывается на слабый уровень организации таких контактов в пространстве публичных коммуникаций.

Abstract

Today, minimization of the destructiveness of the intensification processes of ethnic and cultural fragmentation is required at the regional community level. This involves the development of a dialogue-partner model of public communication between stakeholders of the ethno-confessional space of public communications. Heuristic possibilities of the concept of management of public values are used for theoretical understanding of the phenomenon of this space. The study uses concept of public values, public communication space, stakeholders and the public sphere. The role of stakeholders of the ethno-confessional space of public communications in the harmonization of relations and the generation of conflicts in the border region is revealed on the basis of data obtained using the expert survey method in

the form of questionnaires and an online survey of the VKontakte social network. As a result of the survey, the authors came to the conclusion that public opinion connects the generation of ethno-confessional conflicts with the activities of such representatives of stakeholders as nonprofit organizations created on a national basis, national diasporas and religious organizations, and public and experts is seen the resolution of problems of interethnic and interethnic relations not in the space of public communications, but in the law enforcement sphere. Under these conditions, the organization of a dialogue and partnership between all actors of the ethno-confessional space of public communication is extremely important. In understanding the importance of interaction between civil society structures and the state, the majority of the participants of the expert survey indicate a weak level of organization of such contacts in the space of public communications.

Ключевые слова: пространство публичных коммуникаций, приграничный регион, стейкхолдеры, этноконфессиональные отношения, национальная политика.

Key words: space of public communications, frontier region, stakeholders, ethno-confessional relations, nationality policy.

Введение

Приграничные территории как часть территории государства, прилегающей к государственной границе, призваны выполнять контактную и барьерную функции [Шувалов, 1982]. При этом самоочевидно, что барьерная и контактная функции, по выражению В.А. Дергачева и Л.Б. Вардомского, являются «оппозитными функциями» [Дергачёв, Вардомский, 2004]. Усиление одной из них может происходить только за счет ослабления другой.

Безусловно, регионы Российской Федерации играют немаловажную роль в процессе приграничного межрегионального сотрудничества, способствуя повышению прозрачности границ, сближению проживающих на приграничных территориях людей и формированию предельно благоприятных условий для торговли, культурного обмена, регионального туризма. Но открытость границ несет в себе угрозы для национальной безопасности. Это особенно актуально в приграничных моноэтнических регионах, население которых из-за интернационализации хозяйства и всей общественной жизни, роста международных и внутригосударственных миграций, увеличения числа смешанных браков становится все более разнородным по этническому составу, культуре и образу жизни. Интенсификация этнической и культурной фрагментации регионального сообщества, которая накладывается на рост внутренних дезинтегрирующих обстоятельств (низкие доходы населения, плохое материальное благосостояние жителей, высокие цены на товары первой необходимости и коммунальные услуги, высокий уровень безработицы и опасение потерять работу большей части занятого населения, плохое здоровье и трудности с лечением, проблемы организации транспортного обслуживания, плохое жилье и ухудшение жилищных условий), выступает фактором, способствующим порождению межнациональных и межконфессиональных конфликтов и, как следствие, ведущим к снижению способности приграничного региона выполнять барьерную функцию. А это предполагает разработку модели диалого-партнёрской коммуникации между представителями всех заинтересованных сторон, направленной на минимизацию деструктивности обозначенного выше фактора. Первым шагом к созданию такой модели должно стать определение роли стейкхолдеров этноконфессионального пространства публичных коммуникаций в гармонизации отношений и предотвращении конфликтов в приграничном регионе.

Методология и методика исследования

Сегодня основным инструментом государственной национальной политики в Курской области является совокупность мероприятий по реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации, региональной стратегии государ-

ственной национальной политики и подпрограммы государственной программы Курской области «Развитие культуры в Курской области». Но гармонизация межэтнических и межконфессиональных отношений и предотвращение экстремистских проявлений в этой сфере требует не только активных действий со стороны органов власти, но налаживания конструктивного диалога и партнерства между представителями заинтересованных сторон. Отметим, что в регионе существует ряд нормативных документов, создающих такие диалоговые площадки, например, в виде постоянно действующей рабочей группы по вопросам гармонизации межэтнических отношений в Курской области (Постановление Губернатора Курской области № 196-рг от 30.03.2011) или Межведомственной комиссии по межнациональным отношениям в Курской области (Постановление Губернатора Курской области № 38-рг от 29.01.2014).

Несмотря на значительные шаги, предпринятые в сфере управления этноконфессиональными процессами, государственная политика на региональном уровне требует переосмысления на основе современных научных концепций. Такой новой теоретико-методологической основой региональной национальной политики призвана стать концепция менеджмента публичных ценностей, которая противостоит экономическому подходу к публичному управлению и вводит ряд императивов, пересматривающих вопросы отношений государства и общества в части формирования целей социально-экономического развития [Тютин, 2014]. Данная концепция ориентирует власть на углубление взаимодействий с заинтересованными сторонами, формирование условий для их участия в вопросах публичного характера [Публичные ценности и ..., 2014; Волкова, 2014; Слатинов, 2016]. Её ключевыми понятиями являются **публичные ценности, пространство публичных коммуникаций, заинтересованные стороны и публичная сфера**.

Публичные ценности – это ценности, воспринимаемые как универсальные, способствующие развитию всего сообщества, поэтому служащие ориентиром для государства в реализации его политики. Разделяемые властью и обществом ценности способны направлять национальную политику по пути гармонизации этноконфессиональных отношений в случае, если ценности, которым привержены власть и общество, сходны. Они служат основой обеспечения консенсуса по поводу прав, преимуществ и прерогатив, которые представители различных национальностей и их общности должны (или не должны) иметь. На их основе идет публичное обсуждение регуляторных мер государства. Выражая свое мнение, *«граждане дают дополнительную информацию органу государственной власти, применяя которую он способен улучшить регуляторную среду, состоящую из уже принятых и еще разрабатываемых нормативно-правовых актов»* [Волкова, 2017, с. 43]. Одновременно с этим включение населения в управленческий процесс даёт возможность власти разделить ответственность в случае социальной катастрофы [Бабинцев, 2017, с. 34].

Определяя понятие «публичные коммуникации», западные учёные акцентируют внимание на их открытости (передача и получение информации), доступности (доступ для каждого члена общества) и ориентации на общественные интересы (социальная значимость информации) [Уилби, 2012]. Как далее пишет П. Уилби, публичным статусом обладает та информация, которую полезно знать любому члену общества, то есть это сообщение для информирования аудитории по общественно значимым проблемам.

Таким образом, публичные коммуникации – это передача и приём социально-значимой информации, доступ к которой обеспечивается для каждого члена общества, с одновременным приданием ей публичного статуса. Отметим, что семантика понятия «публичное» раскрывается в двух аспектах: видимое – то, что открыто или доступно другим, противопоставлено тому, что скрыто или удалено из вида (и что тем самым образует «приватное»), и коллективное – то, что коллективно или влияет на интересы коллектива, в противоположность индивидуальному (частному) [Weintraub, 1997, p. 15].

Публичные коммуникации – это множество медиаканалов, объединяющее органы власти и стейкхолдеров гражданского общества для диалога и партнёрства по вопросам, имеющим общественный интерес [Зотов, Бабинцев и др., 2017, с. 62] В этом контексте

публичная коммуникация предполагает формирование определённого публичного (общественного) пространства, в пределах которого происходит определённый общественный дискурс между акторами системы социальной коммуникации для обеспечения чёткой артикуляции общественной позиции по соответствующему вопросу.

По определению Ю. Хабермаса, *«публичная сфера – это та сфера социальной жизни, где формируется общественное мнение, это арена, форум публичного дискурса по поводу социально-политических проблем жизни и развития общества»* [Habermas, 2013, p. 231]. Поэтому публичная сфера *«касается коммуникативных интересов, присущих любому обществу в целом, которые трансформируются в конкретные практические действия, направленные на реализацию целей, которые разделяются всеми его членами»* [Habermas, 2013, p. 232]. Публичная сфера – это сфера общественной жизни, в рамках которой могут осуществляться дискуссии по общественно значимым вопросам, приводящие к образованию информированного общественного мнения.

Тем самым, по сравнению с понятием «публичные коммуникации» понятие «публичная сфера» оказывается более широким, включающим и общественную деятельность, и общественные ценности. Публичная коммуникация является инфраструктурной основой для публичной сферы. Эффективные публичные коммуникации доставляют информационные сообщения между стейкхолдерами через различные средства массовой коммуникации. Пространство публичных коммуникаций представляет собой совокупность всех источников, каналов и приемников информации, способствующих устойчивому упорядоченному информационному процессу, в котором так или иначе (в том числе потенциально) может принимать участие актор. Это, прежде всего, традиционные массмедиа, далее – интернет, а совсем недавно – социальные медиа, такие как Twitter и Facebook, которые расширили спектр каналов, доступных для эффективной публичной коммуникации. При этом отметим, что социальные медиа всё чаще оцениваются не как приватное место общения, а как публичное. Сегодня в пространство публичных коммуникаций буквально ворвались сетевые сообщества, позволяющие координировать совместную деятельность своих пользователей [Реутов, Колпина, Реутова, 2018; Зотов, Губанов, 2019]. Различные сетевые сообщества таким способом создают слабо структурированные многомерные сообщества, члены которых обладают качеством множественной принадлежности и очень высокой мобильности [Шарков, 2014, с. 23]. Они являются рассредоточенными сообществами со сравнительно сложными самоорганизующимися связями. Именно в сетевых сообществах и идет процесс создания групп, объединенных общими интересами и межличностными связями, которые способны заявить о себе и потребовать от властных структур дать ответы на действительно актуальные вопросы [Бабинцев, Шаповал, 2018].

Пространство публичных коммуникаций не гомогенно, а состоит из множества подсфер, которые функционируют самостоятельно, хотя и связаны друг с другом. Одним из таких пространств является этноконфессиональное пространство публичных коммуникаций, представляющее собой совокупность медиаканалов, объединяющих основных стейкхолдеров с целью решения общественно значимых вопросов в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений. При этом этноконфессиональный дискурс отвоёвал себе значительный сегмент в Интернете, а сетевая коммуникация стала играть одновременно интегрирующую и дезинтегрирующую функции, целью которых являются поиск единомышленников в глобальной сети и их консолидация [Ачкасова, Трохинова, 2018]. Поэтому ключевой задачей социально- сетевого управления как конфигурирования в публичном пространстве коммуникаций диалого-партнерской сети представителей заинтересованных сторон становится обеспечение гармонизации этноконфессиональных отношений и предотвращения проявлений экстремизма.

Внедряемая концепция менеджмента публичных ценностей затрагивает, в первую очередь, систему коммуникаций органов власти с представителями заинтересованных сторон. Поэтому в настоящее время основой публичного управления признают сети, создающиеся государством и состоящие из стейкхолдеров [Сморгунов, 2014].

Под заинтересованными сторонами понимаются акторы публичной сферы, которые испытывают на себе влияние решений и действий субъекта управления либо сами оказывают на него воздействие. Термин «заинтересованная сторона» пришёл с Запада и является вольным переводом английского stakeholder. Впрочем, в российском научном сообществе все чаще используют прямую кальку с английского языка. При этом стейкхолдеров следует отличать от общественности как активной части общества, выражающей его мнение. Заинтересованные стороны призваны играть значимую роль в решении ценностных споров в межнациональной и межконфессиональной сфере. При этом их участие должно быть специально организовано, что достигается за счёт их вовлечения в процесс выработки и реализации решений в вышеуказанной сфере.

Центральными этапами этого процесса являются:

- 1) признание – определение основных заинтересованных сторон;
- 2) представление – выявление мнения и ожиданий стейкхолдеров в отношении необходимых шагов по предотвращению конфликтов и гармонизации отношений;
- 3) согласование – интеграция ожиданий стейкхолдеров в публичные ценности;
- 4) вовлечение – привлечение групп стейкхолдеров к активному диалогу и партнерству;
- 5) удовлетворение – удовлетворение ожиданий представителей заинтересованных сторон от получаемого результата.

Для получения достоверной и обоснованной информации о роли заинтересованных сторон в построении этноконфессиональных отношений приграничного региона был осуществлен экспертный опрос среди наиболее компетентных, обладающих глубокими знаниями о предмете исследования специалистов. К числу таких были отнесены представители органов федеральной и региональной государственной власти, органов местного самоуправления, диаспор и общественных организаций, науки и образования. Общее количество экспертов – 100 человек.

Результаты экспертного опроса были дополнены данными интернет-опроса. Последний был произведен в апреле 2019 года среди пользователей социальной сети «ВКонтакте» как интернет-платформе, имеющей высокую популярность среди интернет-пользователей (охват более 46 млн человек) и универсальность охватываемой аудитории (69 % аудитории в возрасте от 18 до 34 лет при соотношении мужчин и женщин 44 к 56 %), а также оснащенную специальным функционалом для проведения опроса и последующего анализа мнений пользователей. Для данной сети возможность повторного участия в опросе появляется только при смене используемого аккаунта. На каждый из представленных вопросов ответили около 500 пользователей.

Результаты исследования и обсуждение

Сегодня в Курской области нет явно конфликтной ситуации в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений. Об этом свидетельствует то, что 88 % опрошенных экспертов не ожидают открытых конфликтов на этнической почве в регионе своего проживания в ближайшее время, а также их благоприятная оценка ситуации с межнациональными и межконфессиональными отношениями (см. таблицу).

Полученные данные согласуются с данными других исследований по Курской области [Анциферова, 2016], и при этом область выглядит даже более благополучной в сравнении с некоторыми другими приграничными регионами Российской Федерации [Завьялова, 2014; Максимова, Гончарова, Омельченко, 2015; Проказина, Исаев, 2015; Омельченко, Максимова и др., 2017].

Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете ситуацию с межнациональными и межконфессиональными отношениями?» в зависимости от степени близости к респонденту, %
Distribution of answers to the question “How do you assess the situation with interethnic and interfaith relations?” depending on the degree of proximity of events to the respondent, %

Масштаб территории	Оценка ситуации			
	Бесконфликтная	Нейтральная	Напряженная	Конфликтная
1. В России	28	42	29	1
2. В Курской области	46	50	3	1
3. В месте проживания	58	38	3	1

Полученные данные согласуются с данными других исследований по Курской области [Анциферова, 2016], и при этом область выглядит даже более благополучной в сравнении с некоторыми другими приграничными регионами Российской Федерации [Завьялова, 2014; Максимова, Гончарова, Омельченко, 2015; Проказина, Исаев, 2015; Омельченко, Максимова и др., 2017].

Безусловно, конфликтная ситуация в большинстве случаев складывается как результирующая составляющая комплекса причин и условий. Но история убедительно показывает, что предотвращение конфликтов на ранней стадии возможно только в условиях диалога и партнерства всех заинтересованных сторон. Организация пространства этноконфессиональной публичной коммуникации – важный фактор консолидации российского общества на уровне его регионов и снижения рисков межнациональных и этноконфессиональных конфликтов. Поэтому в ходе проводимого исследования была предпринята попытка выделить основных стейкхолдеров этноконфессионального пространства публичных коммуникаций.

На уровне региона к ним были отнесены следующие:

1. Региональные органы власти, в том числе исполнительные органы субъектов РФ, администрации муниципальных районов, сельских и городских поселений.

2. Федеральные органы, действующие на территории региона, в том числе правоохранные и правозащитные органы в лице управления по вопросам миграции МВД России по субъекту РФ, Центр по противодействию экстремизму МВД России по Курской области, Отделы МВД России по муниципальным районам, Федеральная служба безопасности, а также Федеральное агентство по делам национальностей.

3. Медиаторы в лице межведомственной комиссии по межнациональным и межконфессиональным отношениям и рабочей группы по вопросам гармонизации межэтнических отношений в Курской области.

4. Структуры гражданского общества, представленные политическими партиями, религиозными объединениями, некоммерческими организациями, созданные по национальному признаку, молодежные объединения и казачество.

5. Массмедиа в лице федеральных, региональных и местных периодических изданий, теле- и радиоканалов, транслируемых на территории региона.

6. Местное сообщество, в том числе лидеры общественного мнения, представители национальных диаспор и землячеств.

7. Высшие учебные заведения, ведущие подготовку иностранных студентов.

Относительно последних следует отметить, что в условиях моноэтничности региона численность иностранных студентов достаточно велика. Так, например, Курский государственный медицинский университет имеет более 2 500 обучающихся из других стран, Юго-западный госуниверситет – более 700, Курский государственный университет – более 300 человек. Отсюда, безусловно, их надо учитывать в качестве стейкхолдеров этноконфессионального пространства публичных коммуникаций.

Как видно из данных, представленных на рисунке 1, опрошенные эксперты признают, что наибольший вклад в гармонизацию этноконфессиональных отношений вносят

силовые структуры: Федеральная служба безопасности и Центр по противодействию экстремизму МВД по Курской области, отделы МВД России по муниципальным районам. Затем эксперты отмечают роль Администрации Курской области, и только на третьих позициях оказались представители медиаторов: межведомственная комиссия по межнациональным и межконфессиональным отношениям и рабочая группа по вопросам гармонизации межэтнических отношений в Курской области. В то же время вклад таких важных субъектов сохранения межнационального мира и согласия, как массмедиа, администрации поселений и некоммерческие организации, созданные по национальному признаку, экспертами был оценен значительно ниже.

Отметим, что среди тех, кто вносит вклад в порождение конфликтов, помимо политических партий и некоммерческих организаций, созданных по национальному признаку, эксперты назвали также и силовые структуры: Федеральную службу безопасности и Управление по вопросам миграции МВД России.

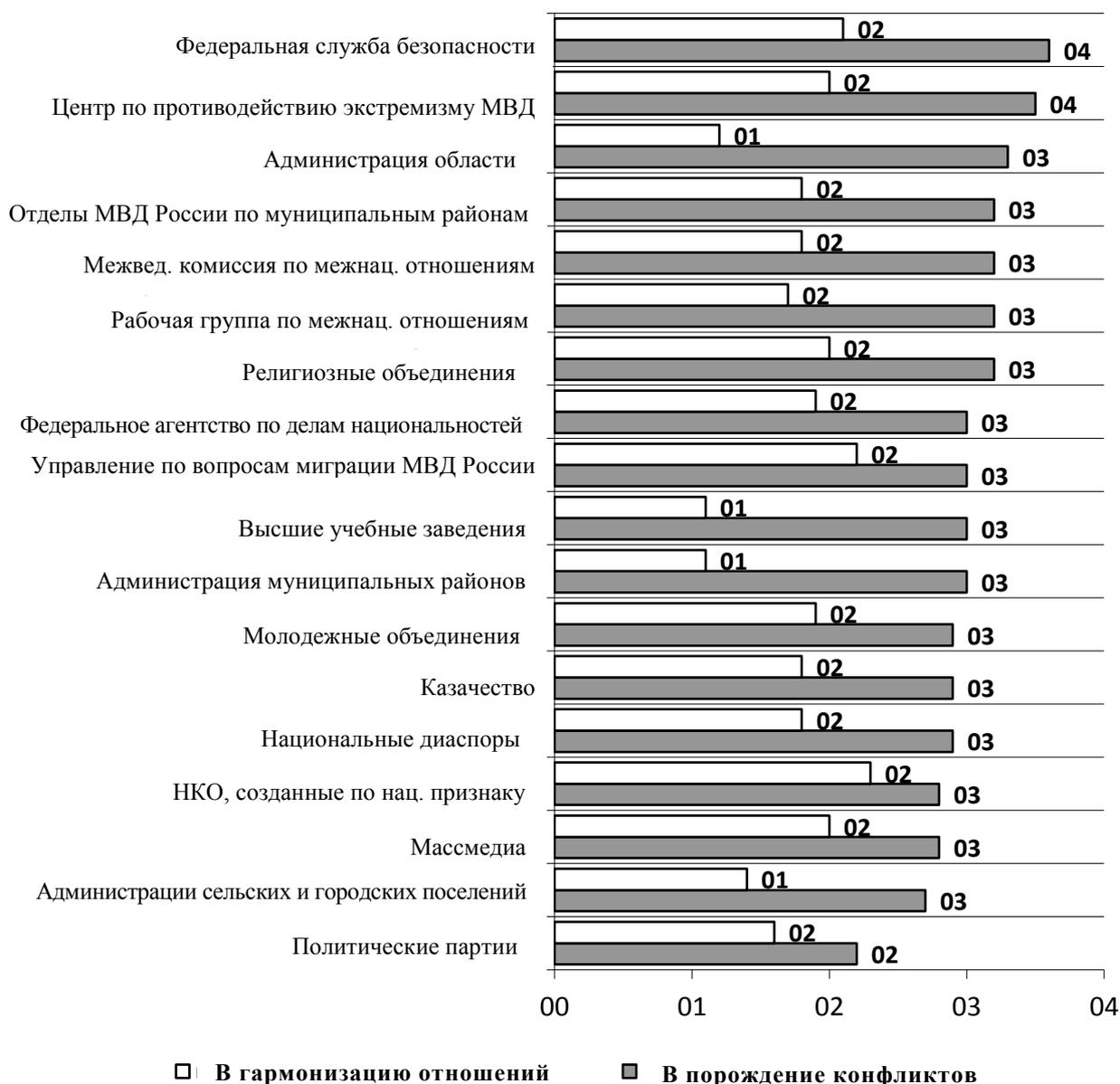

Рис. 1. Экспертная оценка по 10-бальной шкале роли стейкхолдеров этноконфессионального пространства публичных коммуникаций в гармонизации отношений и порождении конфликтов
 Fig. 1. Expert assessment of a role of stakeholders of ethno-confessional space of public communications in relations harmonization and in causing conflicts on a 10-ball scale

Из-за особенностей интернет-опроса представители заинтересованных сторон были разделены на структуры, которые представляют 1) власть или аффилированы с нею и 2) гражданское общество. В отношении первых был задан вопрос: «Какие из органов власти ведут наиболее активную работу в сфере межэтнических и межнациональных отношений в нашем регионе?». Его результаты представлены на рис. 2. В интернет-опросе пользователи главные позиции среди органов власти, ведущих наиболее активную работу в сфере межэтнических и межнациональных отношений в нашем регионе, заняли силовые структуры (Федеральная служба безопасности, отделы МВД России по муниципальным районам и Центр по противодействию экстремизму МВД по Курской области), а также Администрация области.

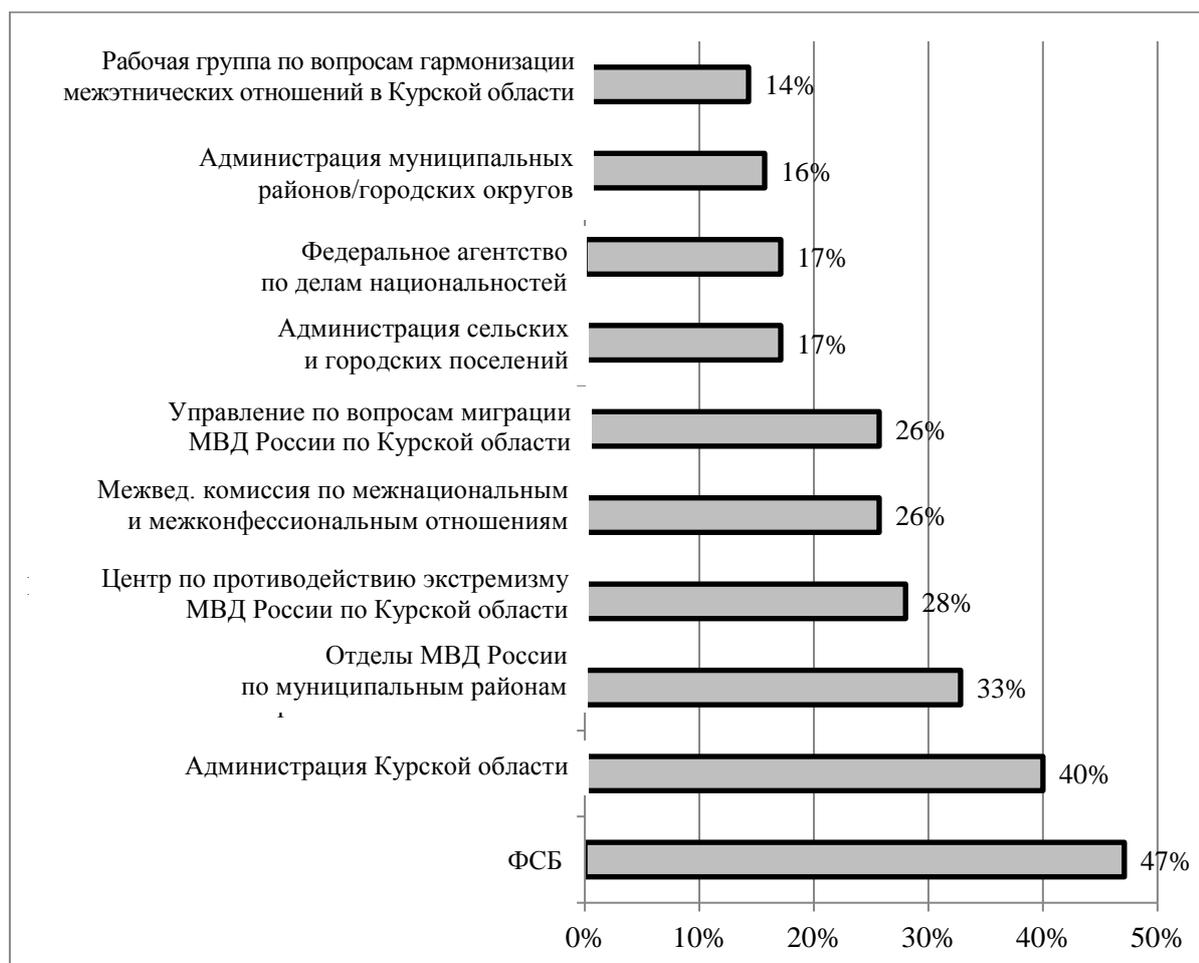

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Какие из органов власти ведут наиболее активную работу в сфере этноконфессиональных отношений в нашем регионе?»

Fig. 2. Distribution of answers to the question “Which authorities are the most active in the sphere of ethno-confessional relations in our region?”

Следовательно, можно утверждать: в общественном сознании сложилось мнение о том, что разрешение проблем межэтнических и межнациональных отношений (предотвращение конфликтов и гармонизация контактов) находится не в пространстве публичных коммуникаций, а в правоохранительной сфере. А представители данной сферы, во-первых, прибегают к силовым методам и средствам решения возникающих конфликтов и соответственно восстановлению правопорядка, а во-вторых, работают на предупреждение (профилактику) развития конфликтов. Возможно, что в условиях приграничного региона можно найти определенное разумное «оправдание» общественному мнению о важности деятельности правоохранительных органов в этноконфессиональной сфере, поскольку одной из их центральных функций является функция охраны, защиты и сохранения целост-

ности, жизнеспособности страны, защиты интересов граждан, оказания противодействия всевозможным негативным воздействиям как внешнего, так и внутреннего характера. Но нельзя забывать, что подчас формы и методы государственной борьбы с экстремизмом сами становятся факторами активизации конфликтов на национальной почве.

В то же время отнюдь не следует противопоставлять силовую составляющую деятельности государства усилиям структур гражданского общества, его отдельных членов, направленным на утверждение и поддержание гармоничных межэтнических и межконфессиональных отношений в регионе. Только при наличии соответствующего этноконфессионального пространства публичных коммуникаций, выполняющих задачи по консолидации общества, могут быть гарантированы стабильность регионального сообщества, его успешное развитие.

В связи с этим участникам интернет-опроса были заданы вопросы, которые ориентированы на выявление мнения о вкладе представителей заинтересованных сторон в порождение конфликтов и гармонизацию отношений в этноконфессиональной сфере (рис. 3). Результаты опроса показали, что респондентами признается наибольший вклад в гармонизацию этноконфессиональных отношений за молодежными объединениями и высшими учебными заведениями, которые призваны проводить систематическую работу по воспитанию молодого поколения в духе терпимости к национальным и религиозным различиям населения страны, региона, поселения.

Рис. 3. Мнение респондентов о вкладе основных заинтересованных сторон в порождение конфликтов и гармонизацию отношений в этноконфессиональной сфере
 Fig. 3. Opinion of respondents about the contribution of major stakeholders to the generation of conflicts and harmonization of relations in the ethno-confessional sphere

По мнению респондентов, наибольший вклад в развитие этноконфессиональных конфликтов вносят такие представители заинтересованных сторон, как некоммерческие организации, созданные по национальному признаку, национальные диаспоры и религиозные организации. Можно предположить, что в условиях моноэтничности региона (а в Курской области 96 % жителей – русские) сама попытка объединения граждан по национальному или конфессиональному признаку воспринимается недружелюбно.

В этих условиях крайне важно организовать диалог и партнерство между всеми акторами этноконфессионального пространства публичной коммуникации. Но, к сожалению, эксперты указывают, что при важности взаимодействия между структурами гражданского общества и государством уровень организации таких контактов в пространстве публичных коммуникаций достаточно слабый (рис. 4).

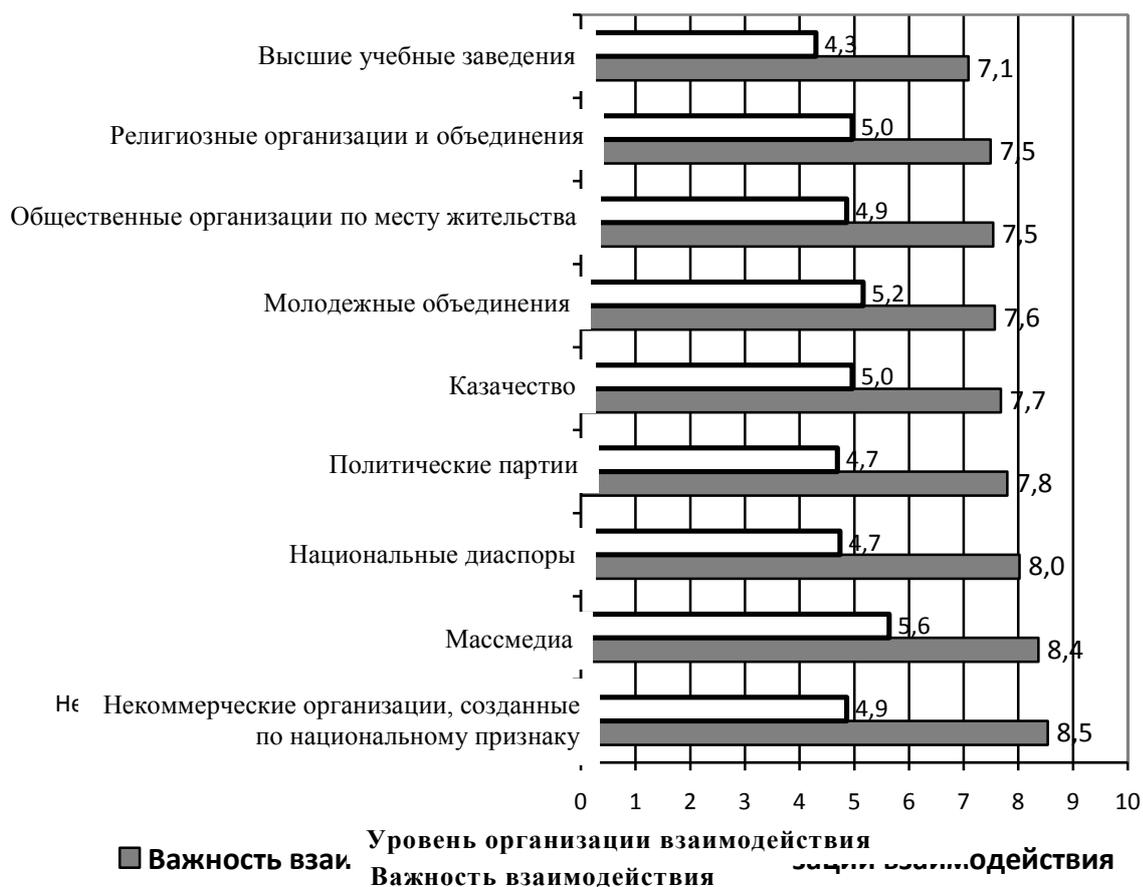

Рис. 4. Экспертная оценка по 10-ти бальной шкале важности уровня организации взаимодействия органов власти с заинтересованными сторонами по вопросам этноконфессиональных отношений

Fig. 4. Expert assessment on a 10-point scale of importance and level of organization of interaction of government bodies with stakeholders on issues of ethno-confessional relations

Но следует отметить следующее: мнение экспертов и респондентов интернет-опроса о важности структур гражданского общества как заинтересованных сторон в решении проблемных вопросов в сфере этноконфессиональных отношений в определенной мере не совпадает. Хотя, возможно, в данном случае свою роль сыграла форма вопроса, но тем не менее результат опроса заслуживает внимания. По мнению экспертов, наиболее важным представляется упорядочивания процесса взаимодействия с некоммерческими организациями, созданными по национальному признаку (8,5 балла из 10), массмедиа (8,4 балла) и национальными диаспорами (8,0 балла). В то же время респондентами, опрошенными в онлайн-режиме, на первое место были поставлены моло-

дежные движения (58,3 %), и только затем – национальные диаспоры и религиозные объединения (рис. 5). А поскольку высшие учебные заведения занимают четвертую позицию в результатах данного опроса, то можно предположить, что население и представители экспертного сообщества (а его представляли сотрудники органов федеральной и региональной государственной власти, органов местного самоуправления, общественных, научных и образовательных организаций) по-разному видят возможность гармонизации этноконфессиональных отношений. Население в большей мере склонно к варианту «правильного котла», в рамках которого происходит формирование общероссийской и региональной идентичности, а эксперты – к варианту выстраивания диалога и партнерства с представителями других национальностей и конфессий.

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, взаимодействие органов власти с какими общественными структурами является наиболее важным при решении проблемных вопросов в сфере этноконфессиональных отношений?»

Fig. 5. Distribution of answers to the question "In your opinion, the interaction of the authorities with what public structures is most important when solving problematic issues in the sphere of ethno-confessional relations?"

Заключение

Организация диалога и партнерства в этноконфессиональном пространстве публичной коммуникации будет способствовать решению комплекса практических задач, включающих достижение согласия жителей, принадлежащих к различным национальностям и этноконфессиональным группам, установление отношений взаимного доверия; поиск и реализацию различных форм конструктивного сотрудничества в их собственных интересах и интересах регионального сообщества. Это делает процесс формирования регионального этноконфессионального пространства публичной коммуникации крайне актуальным для снижения риска проявления межнациональных и межконфессиональных конфликтов. Но на настоящий момент, как показывают результаты опроса экспертов, при понимании важности взаимодействия между структурами гражданского общества и государством, большинство из них указывает на слабый уровень организации таких контактов

в пространстве публичных коммуникаций. Кроме того, в общественном сознании сложилось следующее мнение: порождение этноконфессиональных конфликтов связано с деятельностью таких представителей заинтересованных сторон, как некоммерческие организации, созданные по национальному признаку, национальные диаспоры и религиозные организации, а разрешение проблем межэтнических и межнациональных отношений видится не в пространстве публичных коммуникаций, а в правоохранительной сфере. Это требует налаживания взаимодействия между заинтересованными сторонами как регулярного последовательного процесс, основанного на построении диалога и партнерства. В итоге это будет способствовать обеспечению стабильного устойчивого развития региона.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 19-011-00835 «Формирование пространства публичных коммуникаций как условие снижения рисков межнациональных и этноконфессиональных конфликтов в приграничных регионах».

Список литературы

1. Анциферова Н.Г. 2016. Отношение населения Курской области к представителям других национальностей, трудовым мигрантам и изменению миграционной ситуации. Научный руководитель, 4 (16): 23-32.
2. Ачкасова В.А., Трохинова О.И. 2018. Сетевые средства этнической мобилизации: исследование роли призывов в межэтнических конфликтах. Вестник Томского государственного университета, 431: 5-11.
3. Бабинцев В.П. 2017. Власть и общество в «провинциальном» регионе: специфика взаимодействия. Власть, 25 (3): 34-41.
4. Бабинцев В.П., Шаповал Ж.А. 2018. Публичные коммуникации власти и общества в регионе: проблемы и возможности конструктивных изменений. Власть, 26 (4): 7-15.
5. Волкова А.В. 2014. Современная публичность и публичные ценности: российские и зарубежные практики. Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения, 1: 111-118.
6. Волкова А.В. 2017. Механизмы «умного регулирования» в публичной политике современной России: расширение гражданского участия. Человек. Сообщество. Управление: научно-информационный журнал, 18 (3): 37-52.
7. Дергачёв В.А. Вардомский Л.Б. 2004. Регионоведение, М.: ЮНИТИ, 463.
8. Завьялова М.Н. 2014. Особенности проявления межнациональных отношений в приграничных регионах России. Вестник университета, 21: 189-197.
9. Зотов В.В., Бабинцев В.П., Шаповал Ж.А., Губанов А.В. 2017. Российское пространство публичных коммуникаций: основные причины разрывов. Коммуникология, 5 (6): 61-76.
10. Зотов В.В., Губанов А.В. 2019. Формирование пространства публичных коммуникаций субъекта РФ в условиях превалирования социальных медиа. Общество: социология, психология, педагогика, 3: 57-61.
11. Максимова С.Г., Гончарова Н.П., Омельченко Д.А. 2015. Межнациональные отношения в приграничных российских регионах: субъективные оценки населения. Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве, 3 (2): 51-56.
12. Омельченко Д.А., Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Черепанова М.И. 2017. Состояние сферы межнациональных отношений в Алтайском крае. Вестник Алтайского государственного аграрного университета, 6 (152): 189-194.
13. Проказина Н.В., Исаев А.В. 2015. Межнациональные и межэтнические конфликты в оценках населения мононациональных регионов. Вестник Поволжского института управления, 2 (47): 31-36.
14. Публичные ценности и государственное управление. 2014. Под ред.: А.В. Волковой, Л.В. Сморгунова. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 400..
15. Реутов Е.В., Колпина Л.В., Реутова М.Н. 2018. Потенциал территориальных интернет-сообществ в организации коммуникации власти и населения. Управление городом: теория и практика, 3 (30): 76-86.
16. Слатинов В.Б. 2016. Реформирование государственной гражданской службы России в условиях распространения концепции «новой публичности»: проблемы и ограничения. Среднерусский вестник общественных наук, 11 (3): 61-68.
17. Сморгунов Л. В. 2014. Управляемость и сетевое политическое управление. Власть, 6: 5-14.

18. Тютин Д.В. 2014. Новое государственное управление: от управления эффективностью и результативностью к менеджменту публичных ценностей. Управление экономическими системами: электронный научный журнал. № 4 (64). – URL <http://uecs.ru/uecs64-642014/item/2864-2014-04-21-08-02-44> (дата обращения 17.07.2019).
19. Уилби П. 2012. Концепции публичной политики, связей с общественностью (публик рилейшнз) и публичной коммуникации. Роль Пресс-секретаря в свете этих концепций. Пресс-секретари. URL: <http://gov.sar.ru> (дата обращения 30.05.2019).
20. Шарков Ф.И. 2014. Интернет и масс-медиа: локальный дискурс в сетевых массовых коммуникациях. Коммуникология, 8 (6): 15-28.
21. Шувалов В.Е. 1982. Географическая граница как фактор районообразования. В кн.: Географические границы. Под ред. Б.Б. Родомана, Б.М. Эккеля. М.: Изд-во МГУ, 128.
22. Habermas J. 2013. The Public Sphere. In: Jurgen Habermas on Society and Politics: A Reader New title Edition ed. S. Seidman. Boston: Beacon Press, 230-236.
23. Weintraub J. 1997. The Theory and Politics of the Public/Private Distinction In: Public and Private in Thought and Practice: Perspectives ed. J. Weintraub, K. Kumar. Chicago: University of Chicago Press: 1-46

References

1. Antsiferova N.G. 2016. Otnosheniye naseleniya Kurskoy oblasti k predstaviteleyam drugikh natsional'nostey, trudovym migrantam i izmeneniyu migratsionnoy situatsii [Attitude of the population of the Kursk region to representatives of other nationalities, migrant workers and changes in the migration situation]. Nauchnyy rukovoditel' [Scientific supervisor]. 4 (16): 23-32.
2. Achkasova V.A., Trokhinova O.I. 2018. Setevy`e sredstva e`tnicheskoy mobilizatsii: issledovanie roli prizyv`ov v mezhe`tnicheskix konfliktax [Networking of ethnic mobilization: exploring the role of appeals in interethnic conflicts]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal], 431: 5-11.
3. Babintsev V.P. 2017. Vlast` i obshchestvo v "provincial`nom" regione: specifika vzaimodeystviya [Authority and society in the provincial region: specifics of interaction] // Vlast' [The authority]. Vol. 25. 3: 34-41.
4. Babintsev V.P., Shapoval Zh.A. Publichny`e kommunikatsii vlasti i obshchestva v regione: problemy` i vozmozhnosti konstruktivny`x izmenenij [Public communications of the authority and society in the region: problems and opportunities of constructive changes]. Vlast' [The authority]. Vol. 26. 4: 7–15.
5. Volkova A.V. 2014. Sovremennaya publichnost' i publichnye cennosti: rossijskie i zarubezhnye praktiki [Modern publicity and public values: Russian and foreign practices]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Filosofiya. Kul`turologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodny`e otnosheniya [Vestnik of Saint Petersburg University international relations. Series 6. Political science. International relations]. 1: 111-118.
6. Volkova A.V. 2017. Mekhanizmy "umnogo regulirovaniya" v publichnoy politike sovremennoy Rossii: rasshirenie grazhdanskogo uchastiya [Mechanisms of "smart regulation" of public policy in contemporary Russia: development of citizen participation]. Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie: nauchno-informatsionnyy zhurnal [Human. Community. Management: Scientific Journal]. Vol. 18. 3: 37-52.
7. Dergachev V.A. Vardomsky L.B. 2004. Regionovedenie [Regional Studies]. Moscow, UNITY: 463,
8. Zaviyalova M.N. 2014. Osobennosti proyavleniya mezhnatsional`ny`x otnoshenij v prigranichny`x regionax Rossii [Peculiarities of interethnic relations in border regions of Russia]. Vestnik universiteta [Vestnik universiteta]. 21: 189-197.
9. Zotov V.V., Babintsev V.P., Shapoval Z.A., Gubanov A.V. 2017. Rossijskoe prostranstvo publichnykh kommunikatsij: osnovnye prichiny razryvov [The Space of Public Communication in Russia: the main causes of gaps]. Kommunikologiya [Communicology]. Vol. 5. 6: 61-76.
10. Zotov V.V., Gubanov A.V. 2019. Formirovanie prostranstva publichnykh kommunikatsij sub`ekta RF v usloviyah prevalirovaniya social`nykh media [The development of public communication space of the constituent entity of the Russian Federation in terms of social media prevalence]. Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika [Society: Sociology, Psychology, Pedagogics]. 3: 57-61.
11. Maksimova S.G., Goncharova N.P., Omelchenko D.A. 2015. Mezhnatsional`nye otnosheniya v prigranichnykh rossijskikh regionah: sub`ektivnye ocenki naseleniya [Interethnic relations in the Russian border regions: subjective assessments of the population]. Social'naya integratsiya i razvitie etnokul'tur v

evrazijskom prostranstve [Social integration and development of ethnic cultures in the Eurasian space]. 3-(2): 51-56.

12. Omelchenko D.A., Maksimova S.G., Noyanzina O.Ye., Cherepanova M.I. 2017. Sostoyanie sfery mezhnacional'nyh otnoshenij v Altajskom krae [Condition of sphere of interethnic relations in the altai region]. Vestnik Altajskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta [Bulletin of altai state agricultural university]. 6 (152): 189-194.

13. Prokazina N.V., Isaev A.V. 2015. Mezhnacional'nye i mezhetnicheskie konflikty v ocenках naseleniya mononacional'nyh regionov [Interethnic and Transnational Conflicts in the Estimates of Mono-Ethnic Regions Population]. Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya [The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration]. 2 (47). 31-36.

14. Publichnye cennosti i gosudarstvennoe upravlenie [Public values and public administration]. 2014. Ed.: A.V. Volkovoy, L.V. Smorgunova. Moscow, Publishing house "Aspect Press": 400.

15. Reutov E.V., Kolpina L.V., Reutova M.N. 2018. Potencial territorial'nyh internet-soobshchestv v organizacii kommunikacii vlasti i naseleniya [Potential of territorial internet communities in the organization of communication between authority and population]. Upravlenie gorodom: teoriya i praktika [City management: theory and practice]. 3 (30): 76-86.

16. Slatinov V.B. 2016. Reformirovaniye gosudarstvennoy grazhdanskoj sluzhby Rossii v usloviyakh rasprostraneniya kontseptsii "novoy publichnosti": problemy i ogranicheniya [Reforming of state civil service of Russia in the conditions of distribution of the concept «new publicity»: problems and restrictions]. Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk [Central Russian Journal of Social Sciences]. Vol. 11. 3: 61-68.

17. Smorgunov L.V. 2014. Upravlyaemost' i setevoe politicheskoe upravlenie [Manageability and network political management]. Vlast'. 6: 5-14.

18. Tyutin D.V. 2014. Novoye gosudarstvennoye upravleniye: ot upravleniya effektivnost'yu i rezul'tativnost'yu k menedzhmentu publichnykh tsennostey [New Public Management: from management of efficiency and productivity to management of public values]. Upravleniye ekonomicheskimi sistemami: elektronnyy nauchnyy zhurnal [Management of Economic Systems: scientific electronic journal]. 4 (64). URL <http://uecs.ru/uecs64-642014/item/2864-2014-04-21-08-02-44> (appeal date 05/30/2019).

19. Wilby P. 2012. Konceptii publichnoj politiki, svyazey s obshhestvennost'ju (publik rileyshnz) i publichnoj kommunikacii. Rol' Press-sekretarja v svete jetih koncepcij [The concept of public policy, public relations (public relations) and public communication. The role of the Press Secretary in the light of these concepts]. Press-sekretari. URL: <http://gov.cap.ru> (appeal date 05/30/2019).

20. Sharkov F.I. 2014. Internet i mass-media: lokal'nyj diskurs v setevykh massovykh kommunikacijah [Internet and mass media: local discourse in network mass communications]. Kommunikologija [Communicology]. Vol. 8. 6: 15-28.

21. Shuvalov V.E. 1982. Geograficheskaja granica kak faktor rajonoobrazovaniya [Geographical Border as a Factor of Regional Formation]. V kn.: Geograficheskie granicy [Geographical Borders]. Pod red.: B.B. Rodomana, B.M. Ekkel. Moscow, Publishing House of Moscow State University. 128

22. Habermas J. 2013. The Public Sphere. In: Jurgen Habermas on Society and Politics: A Reader New title Edition ed. S. Seidman. Boston: Beacon Press, 230-236.

23. Weintraub J. 1997. The Theory and Politics of the Public/Private Distinction In: Public and Private in Thought and Practice: Perspectives ed. J. Weintraub, K. Kumar. Chicago: University of Chicago Press: 1-46.

Ссылка для цитирования статьи

Reference to article

Зотов В.В., Алексеенко А.И., Губанов А.В. 2019. Роль стейкхолдеров этноконфессионального пространства публичных коммуникаций в гармонизации отношений и предотвращении конфликтов в приграничном регионе. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 44 (3): 396–409. DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-396-409

Zotov V.V., Alekseenko A.I., Gubanov A.V. 2019. The stakeholders role of ethno-confessional space of public communications in harmonizing relations and averting of conflicts in the frontier region. Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series. 44 (3): 396–409 (in Russian). DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-3-396-409